

А. Мельчаков

Моя Даурия

Мельчаков, А.Е. Моя Даурия /А.Е.Мельчаков; оформл. обл. Г.Ширяева. – Луза: Лузская районная библиотека им. В.А.Меньшикова, 2017. – 33с.

Воспоминания курсанта 73 учебного отделения войсковой части № 78424 о службе в рядах Вооруженных сил СССР в декабре 1963 – октябре 1964 года.

Об авторе

Наш земляк Андрей Евгеньевич Мельчаков родился в с. Вымске Грибошинского сельского совета. После окончания Вымской семилетки продолжил учебу в Лальской средней школе.

Учась в Лальске, был участником поэтического кружка под руководством учителя – филолога Валентина Ивановича Нечаева. Газета «Лальский ударник» публиковала стихотворения кружковцев в марте 1961 года, их зачитывали и по Кировскому радио.

В ноябре 1963 года был призван в ряды Советской Армии. Службу проходил в в/ч №78424 в Даурии, затем в в/ч № 95855 в Козельске в ракетных войсках. После демобилизации продолжил учебу в Кировском педагогическом институте и получил специальность учителя математики.

Работал в школах Омутнинского района. С 1977 по 1980 год был инструктором РК КПСС, затем - заместителем директора профессионального училища. С 1984 по 1993 год - начальник отдела в НПО «Восток».

С 1993 года - специалистом Омутнинского РУО, затем директор единственного в области учебно-методического центра. За внедрение информационных технологий в образовании, вклад в компьютеризацию процессов обучения, был награжден Почетной грамотой Министерства просвещения РФ.

Ветеран труда. После достижения пенсионного возраста работал еще несколько лет.

Часть 1

Призыв

Прочитал как-то на одном из сайтов в Интернете об истории части 78424 воспоминания моего земляка Николая Логинова, родилась мысль написать свои. Не уверен, что получится так же интересно, как у Николая, но начну. Итак, слушайте.

Учился я на 3-м курсе физмата Кировского пединститута. 9 сентября 1963 года в аудитории по столам пошла газета с заметкой об очередном призыве в армию. Парни, а в группе нас было семеро, картинно замахали девчонкам руками, словно прощаясь, а те в ответ терли глаза. Шутки шутками, а события стали разворачиваться быстро. Из деканата донеслись вести, что отсрочек в этом году не будет. Где-то в начале октября мы уже были на призывной комиссии.

Угрюмый капитан медицинской службы, осмотрев мою щуплую фигуру, (видел бы он меня сейчас) сказал устало: *«рано бы тебе в армию, но извини, не могу сказать, что негоден»*. Во мне при росте 164 сантиметра веса было 57 кг, но я отнесся спокойно к словам военврача.

До повестки было какое-то время, и я решил повидаться со старшим братом (он служил в Венгрии и вот - вот должен был демобилизоваться) а также добраться до родителей, которые жили в селе за 70 км до райцентра. Надо было еще преодолеть реку – переправа уже не работала, а река еще замерзла. Опущу подробности, но 6 ноября я был дома. 7 ноября праздник был и во всей стране, и в нашем селе, на этот день к нам собирались родственники со всей округи. Дома о призыве я ничего не сказал.

Когда числа 10-го оказался снова в Кирове, то сразу обнаружил в нашем ящике для писем в общежитии повестку о явке на призыв 25 ноября. Решил, что время до отправки потрачу на улаживание всяких дел, а вечером в дверях комнаты общежития появился мой старший брат, как водится - в парадной форме, при всех регалиях. В отпуске он не был, так что мы не виделись 3 года. Он уговорил меня снова вместе

с ним поехать домой. Когда приехали в Лальск, где ранее оба учились в старших классах, река Луза уже была не преодолимой.

Мы заказали телефонные переговоры со школой, где работали наши родители. Сначала мама заплакала, когда услышала голос брата, это оказалось для родителей сюрпризом, брат писал им, что демобилизация у него в декабре, а потом заплакала снова, узнав о моем призыве в армию. Успокоившись, она выдала фразу: *«Коля ты уже привык служить, может, отслужишь и за Андрея?»*. Не знаю, что при этих словах почувствовал брат. Как это можно было осуществить, она, видимо, представляла себе по рассказам о прежних временах. Мне было страшно перед ним неудобно, но мы быстро все перевели в шутку.

Надо сказать, что брат был человеком спортивным, в армии служил в спортивной роте, одно время был даже серебряным призером России по гиревому спорту. За те пару дней, что мы провели вместе, он мало что рассказывал о специфике своей военной службы, но одну его фразу я запомнил на всю жизнь: *«я никому не позволял издеваться над собой»*.

С 15 ноября из общежития ежедневно со всех курсов уходили служить один или два человека. Я проводил 21-го числа своего товарища по группе Витю Устюжанина, мы жили с ним в одной комнате. Кстати из семерых юношей нашей группы призвали только нас двоих. Какие «изъяны» были обнаружены у других студентов, не знаю.

Но вот и 25 ноября. Из общежития в этот день отправлялись сразу 10 человек, к ним приехали родственники. Нам надо было явиться на вокзал к двум часам ночи. Решили идти пешком. Вместе с родственниками набралось человек 30. Шли толпой по Октябрьскому проспекту, кто знает Киров, тот поймет меня. На пересечении с улицей Красноармейской к нам влилась колонна человек 100 - это были студенты спортфака, затем - ребята из сельхозинститута, все с

родственниками, дальше рабочие заводов, откуда - то взялся духовой оркестр.

От гостиницы «Вятка» во главе с оркестром шла полутысячная толпа. Привокзальная площадь была переполнена. Возник митинг, сбивчиво говорили отцы, плакали матери, висели на шеях ребят девчонки. Наверное, в тот год, это была самая многочисленная отправка, и это врезалось в память. Наконец, в два часа подошла электричка, и нас работники военкомата препроводили в вагоны. Мы ехали в Котельнич на сборный пункт.

Часть 2

Дорога

В Котельниче работники военкомата ночью перевели всех нас на сборный пункт. Мужской части населения Кировской области он хорошо знаком. Четырехэтажные нары, гомон, песни, выкрики и команды офицеров, поедание и выпивание домашних запасов. Мы - физматовцы держались вместе, что было весьма важно в этой беспокойной толпе.

На исходе следующих суток появился капитан и по списку вызвал к себе всех моих друзей, кроме меня. Капитан заявил, что он набирает будущих химлаборантов, и «очкарики» ему не нужны, но наш заводила Саша Янцев упросил капитана, чтобы нам всем быть вместе. Ночью отобранных к отправке повели в баню, мы поплескались в теплой водичке, и нас снова повели на вокзал.

За свою жизнь я очень сильно замерзал три раза. Это был первый раз. На ветру, мороз был градусов 15, и пока мы дошли до вокзала, зуб не попадал на зуб. В электричке немного отогрелись, и снова кировский вокзал. Когда вылезли, на ветру продержали примерно час, и встретивший нас майор бодро поприветствовал матерком: *«привыкайте, мать вашу, тут вам армия, не у мамки под титькой»*. Потом пояснил, что эшелон формируется в Кирове, и мы, наконец, оказались на запасных путях в вагоне. Когда зашли в купе, у всех

долго стучали зубы. Дальше все пошло лучше. Вагоны нам подали плацкартные производства ГДР, в них было тепло. По вагону прошли майор и сержант, в каждом купе назначили старшего, естественно, что в нашем таковым оказался Янцев. В отличие от сообщения Логинова, в каждом купе нас размещали по 9 человек, так что спальных мест хватало, хотя мне и пришлось спать на верхней третьей боковой полке, но в этом тоже было свое преимущество - никто не мешал. Уже через час дежурные принесли из кухни, которая была в первом вагоне, обед. В пути нас кормили вполне прилично.

В вагоне мы быстро перезнакомились. В основном это были призывники из городов Коми - Воркуты, Инты, Сыктывкара. Выделялись ребята лет на 5 старше, уже отработавшие по несколько лет в шахтах и рудниках. Человек 10 были женаты, у некоторых дома остались дети. У них были совсем другие заботы, чем у нас.

На исходе дня эшелон тронулся, и наутро мы оказались в Перми. За сутки эшелон почти доукомплектовался пермяками, и дальше мы останавливались редко. Наш сержант, который в основном торчал у проводницы, да и сержанты в других вагонах, а их было 18, упорно молчали о месте назначения. Лишь только после Кургана впервые прозвучало слово Даурия. На все вопросы сержант коротко отвечал: *«приедете, узнаете»*. До Даурии эшелон шел 9 дней.

В памяти остались три события. Станция Тайга. К этому времени спиртное у шахтеров и горняков закончилось. И тогда четверо добровольцев в нашем вагоне пошли на хитрость. Выпросились идти на станцию за горячей водой. Пока двое набирали воду, двое других «смотались» в привокзальный магазин и вылили в ведро 20 бутылок водки. Не знаю, откуда оно взялось, но ведра парень нес на коромысле. Далее шекспировский сюжет. У тамбура майор жестом показал, что ведра надо поставить на землю. Весь вагон прилип носами к окнам, наблюдая за развитием сюжета. Майор сунул палец в первое ведро, из которого шел парок. Попробовал на язык, затем повторил этот прием со вторым ведром. Картинно вытянув носок сапога, опрокинул ведро

через рельс, живительная влага растеклась по земле. Вагон взвыл. И тогда призывники пошли на прорыв. За пазухой у них было еще несколько бутылок. Один оттолкнул сержанта, остальные прорвались в вагон, причем последний лягнул майора под глаз, с синяком он потом не выходил из своего купе. А тогда ребята проглотили из горла водку, и прибежавший патруль из второго вагона их забрал в изолятор. Впрочем, наутро, проспавшись, они вернулись в вагон.

Через несколько дней, мы увидели из окон вагона далеко внизу черный проем, а над горами подобие хрустальной чаши. Видя наше любопытство, сержант пояснил, что проем - это туннель, мы там будем часов через 5, а чаша – это озеро Байкал. Действительно часа через три мы нырнули в туннель, а когда поезд вышел, все просто ахнули. Темно-синяя вода, розовые от заката скалы, белые облака. Нам повезло таким впервые увидеть Байкал. Это осталось на всю жизнь.

Не буду утомлять читателя дальше, но последний эпизод, на мой взгляд, достоин внимания. После Карымского сержант вместе с другом прошел по вагону и сказал, что приличную одежду у нас все равно в части отберут, лучше отдать вещи ему, а по прибытии он нам чем-нибудь поможет. Почти все согласились, отдал и я свой хлопчатобумажный свитерок. Потом мы узнали, что все эти «шмотки» проводница благополучно сбыла.

Что с нами случилось после станции Борзя, а это километров 40 до Даурии, наверное, не объяснит ни один психолог. Стали готовиться к прибытию, собираться. Один парень оторвал надорванное ухо у своей шапки. Посмотрел и оторвал другое, и ... понеслось. Хохоча, стали рвать друг у друга всю одежду. Пальто, рубахи, рукава, шапки, кепки. Все оторванное выбрасывалось из окон. Кто видел кино «Путевка в жизнь» или «Республику ШКИД», те оборванцы по сравнению с нами, были пижонами. Сначала сержанты пытались нас остановить, потом просто махнули руками. Причем все это происходило почти во всех вагонах, одновременно. На вокзале в Даурии, нас встречало командование части, играл оркестр, но когда на перрон вывалилась

толпа оборванцев, толстенький, офицер, потом узнали, что им был полковник Аптекарь, рывкнул: *«Убрать эту рвань с глаз, я им за год покажу, где раки зимуют»*. И показал, но об этом позже.

Часть 3

Служба

Не помню, как провели первую ночь, но утром нас повели на обмундирование. Мы беспокоились, что на нас – «недомерков» не хватит маленьких размеров формы, но все обошлось. Посмотрели друг на друга и долго хохотали. Все обмундирование топорщилось, стояло колом. Много хлопот доставил ремень, он жесткий, из кожзаменителя, никак не попадал в бляху. Запомнился прибор с педалью: на верхнюю его полусферу нахлобучивали шапку, нажимали на педаль и шапка приобретала нужный размер. Правда потом шапка снова «садилась», жала голову, но уж потом. Получили эмблемы, петлицы, и сержант, показывал, как все это крепится. Заправляли шинели одна к одной, пришивали подворотнички, осваивали другие мелочи быта. Вроде все это детали, но хлопот они доставили много и многим. Сержант продиктовал, что мы должны были купить на первую воинскую зарплату в 3 рубля 80 копеек: материал для подворотничка, нитки, иголки, носовой платок, пасту, бритву, сапожный крем и много другого, без чего солдату жить нельзя.

Начало армейской жизни.

Подъем, поверка, постановка задач на день, завтрак, обед, ужин, построение, вечерняя поверка, отбой. Вроде бы все просто, но только нам всем тогда это показалось простым. На второй день старшина роты пришел в новых погонах, еще вчера у него были т-образные, а сегодня с широким продольным лычком. Заметив наши любопытные взгляды, рывкнул – ничего не изменилось, погоны новые, а служба старая. Затем подскочил ко мне, я хотел поправить пуговицу, *«еще раз шелохнесся, урою»*.

Парень, стоящий со мной рядом, тихо шепнул: *«хочешь, покажу фокус?»*, и согнул ногу в колене. Казалось бы, что тут особенного. Но у всех ноги в коленях сгибаются назад, а него - вперед. Нога торчала под прямым углом. У парня с детства был вывернутый коленный сустав. Как его взяли в армию, не представляю. Старшина, крутанувшись на каблуках, снова подскочил к нам: *«А ну, повтори»*. Игорь повторил, старшина как то боком отошел от нас, бормоча – *«Кого только ..не рождает»*.

Впрочем, в 7 роте, куда меня перевели через неделю, рядом в строю был парень Леша, который все время кашлял в платок, потом выяснилось - открытая форма туберкулеза. Вечером того же дня, ко мне подошел парнишка из Вятских Полян, меньше меня ростом, и шепнул: *«хочешь поговорить с домом?»*, повел к тумбочке и достал, нет, не сотовый, 52 года назад он достал тетрадь, свернутую трубочкой и, плача, начал повторять: *«мама, забери меня отсюда»*.

Через две недели, всех, кого я упомянул, и еще человек 200 непригодных к службе, но ранее пожелавших пойти в армию, комиссовали и отправили домой. Когда я теперь вижу молодых, мордатых, здоровых, «откосивших» от армии, я вспоминаю этих ребят и нехорошее чувство возникает в душе.

В 8-й роте, где готовили водителей автомашин и бульдозеров, и куда я был первоначально зачислен, стоял в одном строю со мной Витя Бушуев. Через полтора года он геройски погибнет, опавшая на своем бульдозере ракетную часть от лесного пожара. Витя не бросил свой бульдозер, хотя мог бы спастись, но продолжал бороться с огнем и провалился с трактором в горящий торфяник.

В 8-й роте я не прижился по зрению, и меня – «очкарика» перевели в 7-ю. Собственно, со своим небольшим скарбом меня препроводили на противоположную часть нашей казармы. Я стал осваивать специальность механика по ремонту АКДС-50 (азотно-кислородно - добывающей станции).

Осмотреться, что и как обстоит вокруг и какая она - Даурия, не удавалось дней десять. Собственно войсковая часть 78424 располагалась довольно в большом военном городке. Основу его составляли 6 двухэтажных кирпичных казарм, стоящих в два ряда с большими тамбурами, из них вел ход на 2-й этаж. Казармы дореволюционной постройки, раньше на первых этажах были конюшни, а на вторых - располагались казаки. Во всех казармах, кроме одной располагалось 12 рот, общей численностью примерно 1200 человек.

О нежилом помещении на втором этаже дальней казармы ходили легенды, но недавно я узнал из переписки с местным краеведом Виктором Глицинским, что эти легенды не подтверждаются. Я просил бывшего сержанта 5 роты Владимира Флемменга, по моему, дослуживавшего третий год в Мышанке, написать об этом в Одноклассниках, но ответа не получил.

О военном городке.

Кроме нашей учебной части на территории была двухгодичная офицерская школа ускоренного выпуска. С одним из ее выпускников - Сашей Григорьевым я потом дослуживал в Козельске. Две столовых - солдатская и офицерская, большой плац, рядом стадион, полосы препятствий. Учебные классы по циклам обучения, котельная, мастерские, небольшое солдатское кафе, где мы оставляли последние копейки на карамельки и сгущенку.

Часть была передислоцирована из украинского Котовска, как ШМАС (школа младших авиаспециалистов), а в 1960 году стала уже ракетной, 98-м учебным центром. Собственно, все это есть в открытом доступе. А что я запомнил? Погоны у нас были голубые, «птички» на них. В целях легенды по территории части были расставлены самолеты, но в отличие от сообщения Николая Логинова в записях о Мышанке, я не помню, чтобы у них запускали двигатели. Где-то за пределами части на небольшой высотке стояли 2 или 3 ИЛ 28-х. Да в км 4 в сопках было довольно большое кладбище самолетов.

Запомнились большие шасси от ТУ-4, высокие кили от МИГов. Когда ночью стоял я в карауле, то под ураганным ветром на морозе все это так гремело, грохотало и завывало, что поневоле хотелось передернуть затвор автомата. Было большое желание порыться в этом хламе, но не пришлось.

Кроме нас в Даурии располагался пограничный отряд, численностью 800 «погранцов», еще был военный госпиталь и стройбат. Между собой мы практически не общались. Не видели мы и самой Даурии, как поселка и станции. Жизнь наша, за редким исключением, проходила внутри нашего военного городка.

Итак, где-то с 10 декабря я в 7-й роте, третьем взводе - командир старший лейтенант Смирнов, замкомвзвода старшина Николаев. Я не запомнил, к великому сожалению, фамилию командира роты. По нашим понятиям это был хороший командир и замечательный человек. Перечислю фамилии других командиров взводов. Старший лейтенант Будилкин возглавлял 1-й взвод. Честолюбивый, карьерный человек, хороший спортсмен. В июне 1964 -го газета «Правда» писала о его взводе, как об одном из лучших в Советской Армии подразделении по физической подготовке. Попасты в центральную печать по тем временам - это не рядовое событие.

2-й взвод - лейтенант Каныгин, подвижный, ироничный, еще с замашками молодости. Как-то он меня высмеял, когда я делал доклад на тему «Многомерности пространства». Я был очень рад, когда узнал в Одноклассниках группы «Мышанка», что карьера его в армии состоялась. А тогда в роте ходили пересуды о его женитьбе, как будто бы он увел чужую жену, что его только возвышало в наших глазах.

4-м взводом командовал старший лейтенант Куров. С ним у меня тоже связана пара событий. Во - первых этот человек заставил меня впервые побриться. Замещая нашего комвзвода, он разглядел на моей физиономии какую - то растительность, дал 2 минуты на бритье, что я и сделал, ободрав тупым станком свою рожу до крови. Второй эпизод был куда серьезнее, но об этом позже.

С офицерами служба сводила нас не так часто, как с сержантами и старшиной. Лет 40 назад прочитал мемуары маршала Жукова. Если кто читает эти строки, скажет: *«Эк, куда хватил. Где ты и где маршал»*. А маршал писал, что настоящим солдатом его сделали фельдфебели и унтер-офицеры. Он высоко оценивал их умение и выучку. Наши сержанты были не хуже.

О самой службе.

Начиналась она для меня не очень здорово. Наверное, тогда в декабре 63-го, я был одним из слабейших курсантов роты, буквально во всех показателях, а в октябре 1964-го меня, как лучшего выпускника 7-й роты и еще 11 товарищей по одному из каждой роты, направили служить в Московский военный округ. Туда направляли только отличников, а в декабре 63-го это мне и не снилось.

Первые неприятности начались по команде *«Отбой!»*. Видеть наши совместные действия по этой команде для сержантов было большим удовольствием. Это было не хуже цирка. Летели во всех направлениях сапоги, портянки, ремни, гимнастерки, мы сталкивались падали, отталкивали друг друга от кроватей. Улеглись, и снова команда: *«Подъем, 45 секунд без заправки обмундирования!»*. Во время, на первых порах не укладывался никто, часто ноги просто заталкивались в сапоги без портянок, но зоркий глаз замкомвзвода немедленно изобличал торопыгу. Постепенно взвод начал укладываться в норму, кроме меня. Узкие петли гимнастерки, в кровь ободранные ногти, узкие сапоги.

Кто служил, тот помнит, что сначала тренируется весь взвод, затем отделение, затем отдельные личности. Весь взвод уже давно спит, а сержант и подоспевший старшина продолжают мою тренировку. Как-то число отбоев и подъемов достигло 18. Тренировка закончилась в полдвенадцатого ночи. К своему удивлению, уже на завтра я почти уложился в норматив. Не потребовался совет надрезать петли гимнастерки. Старшина еще по привычке, пару дней поднимал и укладывал меня, затем я стал засыпать одновременно со взводом.

Первую «тревогу» я тоже запомнил в деталях. Не знаю, почему старшина не установил очередность получения оружия, наверное, он потом пожалел об этом. Все 120 человек одновременно ринулись в ружейную комнату. Двери и косяки ее были вынесены мгновенно. Катилось по полу все: магазины, противогазы, штыки и прочее. Была перевернута пара кроватей. Когда встали в строй, сержанты, несмотря на серьезность ситуации, корчились от смеха. Но нашему рвению отдали должное. Были проведены несколько тренировок. Оружие получали повзводно, и все образовалось.

Был во взводе Сивков из Коми. Как-то наш замкомвзвода по секрету сказал, что ночью будет «тревога». Сивков тоже был не очень расторопный и решил схитрить, после отбоя тихонько оделся и лег под одеяло одетый. Ночью дежурный по гарнизону при обходе случайно включил свет, Сивков без всякой команды вскочил и тут же капитан наградил его тремя нарядами вне очереди. Но с середины мая уже все было по - серьезному. Роты по очереди спали в обмундировании, сняв сапоги и расстегнув ремни. Наше оружие – автоматы, пулеметы, цинки с патронами, сумки с гранатами, все лежало на табуретках у кроватей. У выхода из казармы стояли грузовики, дежурные роты должны были быть на границе с Китаем (до нее было 4 км) через 8 минут. На встрече с активом командующий ЗабВО коротко пояснил, что у противника есть план быстрого захвата Даурии.

Наша операция была рассчитана на 20 минут с задачей вывезти ракеты (в сопках у нас была 8кб3, а в МИКе - 64-я), а наши мотопехота и танковый полк в 40 минутах хода, значит это время нам надо было держаться. Вот основная причина передислокации вч 78424 в Мышанку. Нашему взводу повезло больше. Мы должны были охранять штаб и я, как второй номер пулеметчика, таскал коробки к пулемету. При беге они больно колотили спину.

Через 4 года события на Даманском показали, что опасения командования были не беспочвенны. Неужели история никого ничему не учит?. Из группы «Даурцы» в «Одноклассниках» узнал, что в

Даурии вообще не стало военных, а наш городок разбирают на хлам коммерсанты.

Солдатский быт.

Но вернемся к службе. Быт наш был хорошо налажен. Чистота в роте исключительная. С утра до вечера дневальные «драили» пол. Таскали большие ящики с песком, обитые войлоком, после отбоя этим занимались штрафники. Обязательно пол покрывался мастикой. По субботам все кровати выносились на улицу вне зависимости от погоды. Баня, замена белья. Туалет, умывальник, если уж не сияли, то были чистыми. «Кто служил в армии, тот не знает брезгливости» - гласит армейская пословица.

Туалет на десяток посадочных мест в два ряда на низких тумбах. В первом наряде по роте старшина привел меня в туалет, к концу дня порядком использованный по прямому назначению, и коротко сказал: *«смотри интеллигент, как должно быть»*, после чего надел перчатки и довольно быстро навел чистоту на одном «рабочем» месте. Мне пришлось потратить часа два на остальное, ребята - то приходили по своим делам без задержки. К 12-ти я привел старшину посмотреть на результат моих усилий, он коротко кивнул: *«порядок»*.

Туалеты я больше не мыл, но у старшины для меня было много других заготовок. Утром сержанты придирчиво осматривали каждого курсанта, и к приходу командира взвода все они были в порядке. Особенно придирчиво командиры относились к заправке кроватей. Правильная доска была в дефиците. Кстати свою первую благодарность я получил именно за заправку кровати.

Строевые смотры были раз в месяц, проводились они тщательно, до мелочей. Когда я показал свой белоснежный носовой платок, специально купленный к смотру, полковник из округа огорченно вздохнул и спросил: *«это для кого?»*. Тогда я достал другой, замызганный, он удовлетворенно кивнул: *«ну вот, а то я думал, что ты свой нос не вытираешь»*. Я пишу о мелочах, но они характерны

для части, в которой поддерживается надлежащий порядок, от носового платка до всего остального, важного.

Строевая подготовка.

На первых порах смотреть, как неуклюже мы отдавали честь, выходили из строя, применяли другие строевые приемы, было стыдно. Больше всего нас занимал вопрос, зачем нам нужна эта муштра? Если война, то там не помаршируешь. Но это – заблуждение, оно вскоре рассеялось.

Когда мы демобилизовались и продолжили учебу, то стали очень выгодно отличаться от сокурсников не служивших. Стройные, подтянутые, всегда в отглаженной одежде, аккуратно подстриженные мы увели самых красивых девчонок курса, и в этом немалая роль строевой подготовки.

Вернемся в 1963-й. Строевая подготовка была везде. Утреннее построение, дорога в столовую, обратно. Занятия на плацу, приемы с оружием. Вот тут мы и вспомнили полковника Аптекаря. Построения на плацу были довольно частыми. На трибуне командование части - командир полковник Афанасьев, полковник Аптекар, заместитель по тылу подполковник Гирич, заместитель по воспитательной работе подполковник Старостин. Самыми строгими были Аптекар и Гирич. Как правило, мы слышали голос Аптекаря. Злые языки говорили, что его «турнули» из Генштаба в Даурию, как в ссылку, за связь с чьей-то известной женой. Голос его громко звучал в мегафоне: *«ножку, ножку взвод Смирнова, а ну, на исходную!»*.

Плац в Даурии напоминал, а может и был когда-то взлетно-посадочной полосой бывшего аэродрома, пока топаешь в один конец зимой при морозце градусов в 30 с ветерком, а летом с жарой за тридцать, при этом горланя песню, много чего наворачивалось на язык. Подходя к трибуне, мы должны были «есть» полковника взглядом, на что он махал нам рукой пренебрежительно или снисходительно в зависимости от нашего марша.

На праздник 1 мая я был назначен в караул, это было очередным воспитательным мероприятием старшины. Караульная вышка (в этом карауле мы охраняли технопарк, где в МИКе находилась 8к64-я) выходила на дорогу, а там забор, в который упирался плац и вторая проходная. Так вот, ребята, которые остались на праздник в роте, маршировали сразу после завтрака до обеда, а потом и после обеда часов до 6. Так Аптекарь вспомнил наше зимнее прибытие в часть.

Иногда недовольная рота начинала явственно топтать одной ногой, на что старшина, доведя роту до столовой, разворачивал ее и командовал: *«запевай!»*. Рота молчала, следующая команда – *«первый взвод, запевай!»*, взвод молчал, *«первая шеренга» запевай!»*, молчание – *«правофланговый, запевай!»* – это была веками отработанная система приведения роты в повиновение, не дававшая сбоев. Что касается песни, то в нашем взводе была такая: помню только припев: *«Все мы парни обыкновенные, и недаром мы сильны той дружбой, солдатской верною, что побеждала в дни войны»*.

Физподготовка.

Самое мое слабое место и источник всех моих бед на протяжении 7 - 8 месяцев службы. Ну, во-первых, на перекладине я мог подтянуться не более 2-3 раз, попытки выполнить подъем силой на брусьях напоминали последние судороги умирающего. Впрочем, были еще двое - трое так называемых «трупов», они делали еще меньше.

Гимнастический конь - вот самый страшный в армии «зверь». Николай Логинов пишет, что у них во взводе тоже было два или три человека, которые никак не могли перепрыгнуть эту «скотину», и что лично полковник Аптекарь показывал им пример. Может и так. Лично я такой чести не удостоился. Как-то в июне Николаев - наш замкомвзвода- невысокий, ладный такой, юркий разбежался со мной до спортивного снаряда, подхватывал меня за заднее место и пытался перебросить с ходу через коня, но все было тщетно. Тогда Николаев приказал прикрепить ко мне ремни с двух сторон и протаскивать через

этот снаряд. Успехов это тоже не принесло. Часто я проезжал по спине коня своей спиной.

Преодоление полосы препятствий поначалу было переползанием через каждое препятствие. Немного лучше дела мои обстояли в беге. Бегали мы в части много. Утром сразу после подъема рота подбегала к забору, затем коллективно мы делали свое дело, какой -нибудь остряк декламировал: «*по...! - скомандовал Суворов*», ну и далее по тексту, «*забор поплыл...*». Грубо, но точно. Затем мы перебирались через забор и бежали в сопки, я думаю, что пробегали не менее километра, делали упражнения, а затем возвращались в часть. На специальных занятиях по физподготовке раз в неделю бежали 3 км.

Вот, что делать заместителю командира взвода с такими неразвитыми физически солдатами? В феврале ко мне подошел старшина, явно с подачи замкомвзвода, и сказал примерно следующее: «*слушай парень, я против тебя лично ничего не имею, но если ты не будешь успевать по физической, как большинство, из нарядов не вылезешь*». И не вылезал я до июля.

Какое у солдата лучшее время?,- конечно отбой. Глаза только закрыл, дежурный по роте кричит «*подъем!*». 8 часов сна пролетали в одно мгновение. И, конечно, ждешь выходной. Но вот построение перед отбоем, старшина объявляет состав наряда на воскресенье. Ищет меня взглядом в строю: «*Мельчаков, ты что там потупился? В очередной наряд на кухню!*». Одним словом, выходных я долго не видел. За три года службы я не получил ни одного наряда вне очереди, да и других взысканий тоже не имел, но в наряды ходил с завидным постоянством. Трижды в нарядах на кухне, где меня ставили на мытье посуды в последнюю ванну с температурой 90 градусов, а посуды надо было трижды намыть на три тысячи человек, я обваривал руки до кровавых пузырей. Температура ощущается только поначалу, а затем руки перестают её чувствовать. Потом неделю ходил с «*куклами*» на руках, ширинку в туалете мне расстегивали ребята.

После третьего раза старшина сменил тактику. Вместо кухни я ходил на хозработы по разгрузке чего -нибудь. Не могу не вспомнить добрым словом ребят - шахтеров. Леша Сапрыкин, один из «женатиков», отпихнет тебя от очень тяжелого, сам подставит спину. Вообще, эти ребята старшего возраста относились к нам, как старшие братья. Караулами я тоже был не обижен. Если взвод шел в караул не весь, то место для меня все равно было обеспечено. Что делать.

Я в свободное время с февраля начал подтягиваться на перекладине 5-6-8-10 раз. Подъем переворотом на перекладине тоже стал получаться. В июле начал делать подъем силой. Заметил, что в беге я уже держусь ближе к лидерам. Первый мой «триумф» произошел в кроссе на 10 км. В роту я пришел четвертым.

Этот кросс запомнился еще по двум причинам, он проходил в очень жаркий день. Мы в процессе бега огибали известное для Даурии место - памятник в «Долине смерти», а затем возвращались к месту старта. Я «вышел из 38 минут» - это был хороший результат. К сожалению, этот кросс принес в часть и первую смерть. Мы уже вернулись в роту и только прилегли отдыхать, как нас вновь построили и провели поверку. Скоро стало известно, что с кросса не вернулся курсант, не помню из какой роты. Хватились его не сразу. Были организованы поиски, и его нашли уже мертвым чуть в стороне от маршрута. Парень умер на дистанции. Хоронили в Даурии. Родители согласились на это. Я помню их на трибуне, когда под звуки траурного марша мы проходили всей частью. Полковник Афанасьев в своей речи просил у них прощения, что командиры не уберегли сына, обещал строго наказать виновных.

А вот второго парня, который застрелился в карауле, похоронили тихо. Перед этим он послал матери несколько телеграмм, в которых просил выволить его домой, командование предлагало матери приехать в часть, но она ответила, что если он такой слабак, то пусть делает, что хочет.

В июле я начал отпрашиваться у замкомвзвода на стадион и вечером один из роты то ли пробегал, то ли проползал полосу препятствий. На третий раз я увидел, что по полосе очень быстро бегают какие - то ребята. Оказалось, что на базе нашей части проходят окружные сборы по армейскому троеборью. Забор они перемахивали на раз, паутину преодолевали, как прыгуны тройным, под колючкой перемещались быстро рывками, не поднимая туловища, груз из траншеи вытягивали рывком, груз на тросе опускали быстро, чуть притормаживали перед площадкой.

Один из парней заметил, что я интересуюсь их тренировкой, прошел со мной всю полосу. Наверное, из него потом вышел толковый тренер. На другой день он просто наблюдал, как я бегу, и сделал несколько очень полезных замечаний. После десятка тренировок я пробежал полосу в конце августа быстрее 2-х минут. Это был лучший результат в роте. Учитывая, что я очень прилично стрелял, в упражнении из трех положений выбивал 11 очков из 15, для первого разряда в троеборье мне достаточно было бросить гранату метров на 40, но тут у меня не получалось, летела она проклятая метров 30.

Гладкий бег мне хорошо давался, я не курил, как говорится, «дыхалка» была в порядке, на спирометрии выдыхал 7 тыс. кубиков, поэтому на зачетном кроссе на 3 км. я вышел из 10 минут, то есть выше 2-го спортивного разряда. К сентябрю по физподготовке у меня практически не было проблем, кроме коня. Правда, выезд на стажировку в действующую часть на две недели, а потом заготовка картошки в военном совхозе на тот же срок немного ухудшили мою спортивную форму, но за неделю к экзаменам я восстановился.

Наряды и караулы.

Ранее, я уже писал, что нарядами меня не обделяли, плюс 22 караула почти на все праздники. Опишу несколько ярких моментов. Присягу мы приняли 30 декабря и сразу после нового 1964 года стали ходить в караул. Первый же принес мне очень острую ситуацию.

В карауле № 1, он охранял периметр и располагался в здании гарнизонной гауптвахты, комвзвода приказал мне взять 2-х штрафников и идти с ними за обедом. Затем он дал указание дежурному из каких камер взять людей, каждый из штрафников взял по два термоса. Но как только мы вышли из помещения, второй, вертлявый парень бросил термоса и побежал к забору. Я быстро примкнул магазин к автомату (на охране гауптвахты оружие не заряжали) и передернул затвор, парень тем временем уже висел на заборе. Видя мою готовность открыть огонь на поражение, первый штрафник завопил: *«Леха, кончай, он молодой, застрелит!»*. Парень слез с забора, а я, пятясь, подошел к калитке и нажал кнопку. Выскочили и начальник караула и дежурный.

Наш комвзвода был бледный, он по ошибке выпустил дезертира, который был в бегах месяца 4, за время дезертирства изнасиловал какую-то девчонку. Пока мы шли назад в караульное помещение, парень все шипел: *«я тебя все равно посажу»*. Потом еще с гауптвахты он передавал мне «приветы» такого же рода через нашего Николаева, оказалось, что они служили раньше в одном взводе. Но через месяц «бегунка» увезли в Читу, где военный трибунал «отвесил» ему законные 12 лет.

А вот во втором эпизоде в карауле, я показал себя не здорово. В июле я уже считал себя опытным солдатом. Был такой 4-й караул, им охранялся ангар с ракетой 8кб3, неподалеку находился приличный пресный круглый пруд, там отдельно выставляли караульного, а с другой стороны было кладбище самолетов. От Даурии он отстоял достаточно далеко, километрах в трех в сопках. Караульное помещение было в глубине от внешних ворот и разводящему приходилось тащиться при смене часового по километру в каждую сторону.

В 12 часов в теплую лунную ночь, едва выйдя из караулки, разводящий сказал мне: *«иди один, сменишься, а сменищика я подожду»* и залег в травку. Прошел я метров триста, газик накатил

навстречу, ослепил фарами. Из машины вылез грузный подполковник Гирич и так ласково спрашивает: *«ты куда это, сынок?»*, на что я бодро ответил: *«на пост у ворот»*. В ответ последовало: *«а разводящий, где?»* Я что-то невнятно промычал, а он мне: *«давай – ка, садись в машину»*. Я замялся, Гирич уже жестче: *«садись, садись с поста я тебя все равно сниму»*. И я полез в машину. Новая реплика: *«магазин-то отними, а то нас тут всех перестреляешь»*. И я снял магазин, понимая, что все делаю не так. Проехали эти триста метров, наш разводящий, покуривая, лежал на траве. Вскочил он, когда мы вышли из машины. Гирич жестко приказал ему: *«веди этого на пост, лентяй!»*.

Через полчаса Гирич и с ним еще двое проверяющих вернулись к нам обратно, я попытался спросить у них пароль, на что Гирич досадливо рявкнул: *«раньше надо было бдительность проявлять!»*. После смены меня ждал жесткий разнос от начальника караула, им был командир 4-го взвода Куров, он опять замещал нашего Смирнова. Ему-то от Гирича досталось по полной программе. Потом все удивлялись, почему меня с разводящим не посадили на гауптвахту - Гирич мягкостью не славился. Я пишу об этом подробно потому, что если кто-то из новобранцев будет читать эти строки, знал, как надо поступать. Остается гадать, как бы все сложилось, не сядь я в машину. На завтра, правда, Гирич доложил обо всем Афанасьеву, но никаких последствий не было.

Первые наряды по роте были тяжелыми из-за бессонной ночи. Кажется, что сложного стоять у тумбочки? Но спать хотелось нестерпимо, особенно, после часа ночи. Давят плечи с одной стороны - противогаз, с другой - подсумок, отвисает ремень под тяжестью штыка. Казалось, только прислонись к стене, уснешь сразу. Так иногда бывало. Поэтому отступал от стены на полметра, будешь засыпать - падаешь вперед, очухаешься – назад и больно бьешься головой о стену. Почти каждую ночь дежурство проверялось дежурным по гарнизону.

А теперь о легенде.

На дверях в тамбурах висели памятки: «Помни 58-й. Сохраняй бдительность». Мрачный пересказ гласил, что в 58-м году через границу перешли четверо диверсантов, в дальней 6-й казарме увидели через глазок в дверях, что наряд бодрствует, поэтому поднялись на второй этаж, там наряд спал, прошли в казарму и спицами в ухо убили 78 курсантов ШМАС. При таком способе убийства жертва умирает тихо. Остался один старшина, он спал в каптерке. Тревогу подняли тогда, когда кровь стала просачиваться через потолок. Я уже писал, что краевед из Даурии не подтверждает это, он в 64-м учился в 8 классе и должен был знать об этом. Но вот в чем загвоздка: на митинге 9 мая наш взвод стоял у самого памятника на братской могиле. На табличке было написано: «Жертвам курсантов ШМАС -78 человек». Теперь я уже сомневаюсь, что этот памятник сохранился. В 1964-м в этом помещении никто не жил. Наверное, постоянный состав, переехавший в Мышанку, что-то об этом знает.

Ещё немного о нарядах на кухню. Там был котел размером 2 метра в диаметре и полтора - высотой. Котел вмурован в кирпичную печь, то есть, в отличие от современных, его нельзя было наклонить. Сверхсрочник- начальник столовой подводил кого-нибудь к сооружению и ставил задачу - котел вычистить так, чтобы внутри все блестело. Сделать это было делом хитрым. До дна никак не достать, а с ногами категорически заползать внутрь запрещалось. Сверхсрочник стоял и наблюдал за процессом. Оставалось, зацепившись носками за край котла, головой вниз ложками отскребать кашу. Со лба - ручьем пот, поёшь про себя песню: *«Ах, зачем я на свет народился, ах, зачем ты меня мать родила?»*. Конечно, все это не очень здорово, но не стреляться же из-за этого.

На кухне негде было прилечь отдохнуть. «Бахнешься» на кафель у печки, минут десять подремлешь, вот и весь отдых. Выскочишь на улицу, чтобы чего-то выплеснуть, в мокрой насквозь рубахе, а там минус 40 с ветром, рубаха нательная моментом превращается в

скафандр, думаешь всё, завтра не встать. До армии я регулярно заболел, то - ангина, то - грипп, а тут хоть бы раз чихнуть! На кухне сослуживцы из Калмыкии дали как-то покурить анашу, ничего, кроме горечи во рту и сердцебиения, я не испытал и никогда более к наркоте не прикасался.

В наряды по чистке картошки ходили всем взводом. Чистишь ее, чистишь, а гора не убывает. Не очень-то помогала и картофелечистка, вроде старой стиральной машины, глазки - то она не убирала. Под утро, нагружали пару носилок с кожурой, туда же совали сколько-то мелких картошек, чтобы потом где-нибудь испечь ее.

Ребята, которые приехали в Даурию раньше нас - в октябре - это роты с первой по пятую, считали себя «стариками», ходили важно, при смене дежурства где бы то ни было, придирались к нам, заставляли перемывать полы в караулке и в столовой. Придирались и к чистоте посуды, поэтому-то и мыли мы ее почти в кипятке. Потом им ответили тем же, отказались принимать у пятой роты караульное помещение до 11 часов, пока не приехал дежурный по гарнизону. После этого подобные фокусы с их стороны прекратились.

Учеба.

Главным, конечно, было обучение воинской профессии. Наши преподаватели до нас очень потрудились. С гордостью показывали учебные классы, мастерские. К 64-му году все циклы были оснащены как надо. Я читал в истории части их воспоминания, как это все давалось. Поэтому представляю, как им было жалко бросать все это при передислокации. Занятия проходили по расписанию, мы сдавали зачеты, писали конспекты, в «секретке» деловито оставляли какие-то каракули на своих прошнурованных тетрадях. В мастерских проходили практические занятия по ремонтным работам.

Сейчас, наверное, многие и не знают, что такое плетение троса «на коуш», а это лишь одно из умений, которые мы должны были усвоить. Сварка, пайка, крепеж, разборка генераторов, замена щеток и так далее. В технопарке обихаживали АКДС. Кстати, вторую свою

благодарность я получил за то, что очень тщательно вымыл правое заднее колесо силовой машины.

Но вот до мая и с теорией у меня были неважные отношения. Из-за потерь времени на физподготовку я как-то пару раз ответил не попадая и получил две двойки. Меня вызвали на заседание комсомольского бюро. Там ребята важно выговаривали мне, как это я - студент, а учусь плохо. Стало получаться с физподготовкой, и по теории я взял свое. На память тогда я не жаловался, поэтому устройство машины выучил наизусть. Когда преподаватель дал мне слово, по памяти я в течение часа читал устройство АКДС до деталей, благо капитан Шестопалов (не уверен в фамилии) перед этим, видя мой интерес и помня тщательно вымытое колесо, прошел со мной весь технологический цикл установки.

Потом, на экзамене (мне попал вопрос об устройстве и принципе действия детандера) я говорил буквально пару минут, меня прервали, поставили пятерку.

В рамках учебы, в конце июля, мы выехали в действующую дивизию в Яблоненой. Располагалась она в отрогах одноименного хребта по другую сторону от Читы в густом лесу. Отвыкшая от леса в пустынной Даурии (там, по-моему, росли только тополя), душа радовалась. Запомнилось и купание в реке Ингоде – с очень быстрым течением. Водитель автобуса, который нас привез в часть, остановился на отдых у реки. Из-за быстрого течения в ней невозможно было стоять. Тогда водитель дал совет: *«вы просто падайте в речку, она мелкая, вас течение пронесет и выкинет вот там»*, где река делала петлю, Так мы и сделали, речка несла нас метров 200, а потом выкидывала на отмель, мы хорошо освежились в жару и получили большое удовольствие. Запомнились заросли спелой голубики, которую мы собирали чемоданами, и пестрые в клеточку змеи.

Установку мы там не обслуживали, а наблюдали за действиями расчетов и там же попали в Приказ по ракетным войскам. Потом я еще дважды с товарищами, попадал в эти приказы. А в первый раз вот за

что. Шел комплекс на 64-й с заправкой. Заправляли ракету гептилом. Мы сидели в метрах 30 от старта, наблюдали, как снуют расчеты в противогазах, и тут к нам подбежал разъяренный майор - начальник старта: *«немедленно надеть противогазы!»*, - крикнул он, но противогазы-то наши остались в палатках. Нашего комвзвода Смирнова вызвал генерал Зайцев, проверяющий из Москвы, вложил ему по самое «немогу», ну а потом и Приказ.

Неприятности у нашего комвзвода на этом не кончились. На обратном пути, когда уже в Чите сели на поезд, человек 20 во главе с Николаевым напились и довольно «прилично». Для нашего интеллигентного старшего лейтенанта Смирнова это был шок. В тамбуре он пытался образумить Николаева, но тот весь красный от выпитого, только повторял: *«уйди от греха, лейтенант»*. И Смирнов отошел. На другой день он с горечью говорил: *«Вы меня предали, ребята»*. С Николаевым он просто какое-то время не разговаривал. Пару дней старшина ходил, как в воду опущенный, но потом все образовалось. Огласке этому случаю Смирнов не дал, он готовился поступать в Академию, да и не в его характере было наушничать. Я был в числе не выпивавших, просто у меня в этом никогда не было потребности, хотя некоторые ребята и косились на нас - четверых непьющих.

Жизнь в роте.

Я не помню, а может, и не знаю о больших конфликтах или неприязни между нами. Пять возрастов с 1939 по 1944 года рождения. Во взводе пятеро «женатиков», у троих дети, у одного даже двое. Мы были разными и по росту, весу, силе и жизненному опыту. Строить из себя «дедов» никто не хотел, но все же мне в начале марта пришлось вспомнить фразу брата. Однажды вечером ко мне подошел Игорь Пушкарев - высокий стройный блондин, перворазрядник по боксу из Воркуты. Коротко сказал: *«завтра начнешь у меня чистить сапоги, пришивать воротнички, ну и вообще...»*. Фразу он не закончил, отошел.

Ночь я, наверное, не спал, душила злоба, а в ушах звучали слова брата *«Я никому не позволял издеваться над собой»*. А назавтра с утра стрельбы, я получил свои пять патронов, зарядил магазин и тихонько примкнул к автомату. Пушкарев стоял неподалеку, я ткнул его стволом и внешне спокойно попросил отойти за щит с инструкциями. Когда мы там оказались, я сказал ему: *«Игорек, снимай сапоги, тебе они больше не пригодятся»*. Я сам не знал, почему сказал такое. Слепой ярости не было, было холодное бешенство, я уже представлял себе как прошью его короткой автоматной очередью. О последствиях не думалось.

И тут мне заломили назад руки старшина и замкомвзвода. Помню, что старшина прошипел Пушкареву: *«иди отсюда, он же тебя застрелит»*. Отомкнули магазин, отдали автомат. Все это было скрыто от глаз других, но взвод все равно о происшедшем узнал. С тех пор Пушкарев меня деланно не замечал, потом он избил своего земляка до крови, получил 5 нарядов вне очереди, а в июле уехал поступать в военное училище. Обратно он не вернулся. Я сомневаюсь, что такого офицера солдаты любят. Когда время от времени в СМИ проходят сообщения, что сослуживец расстрелял своих товарищей, я понимаю, почему такое случилось. Я прошел через это.

Март 64-го вообще был богат на события. 8-го марта пришло трагическое известие: в Воркуте взрыв на шахте унес 120 жизней. Потом было короткое соболезнование и в «Правде». Воркутяне говорили, что это были их товарищи по смене в забое. Часа в четыре 8 воркутян сбежали в самоволку, из части виднелась в километрах двух небольшая слобода, называлась «Собачья». Вот там ребята напились местного самогона. Патруль почему-то притащил их в роту, пришел из дома из-за стола командир, у него был двойной праздник: и женский день и защита диплома юриста, на груди сиял новенький институтский значок. Командир горестно говорил: *«да, ребята, хорошо вы меня поздравили»*. Потом махнул рукой и ушел. Все подавленно молчали,

пьяных уложили спать, на другой день им дали по пять нарядов вне очереди.

В середине марта по 10 человек от взвода в воскресенье направили копать в степи ямы под кошары на двух грузовиках. Ехали долго, с утра был мороз градусов в 20 с ветром. Подозреваю, что ямы мы копали на территории Монголии, потому что пересекали какие - то контрольные полосы числом не менее трех. Почва промерзла настолько, что ломы и кирки звеня отскакивали от земли, но мы все же сколько-то ям долбили. Сопровождающий нас незнакомый майор, почему-то в парадной шинели, решил согреться. Набрал сухой травы и поджег ее. Дунул ветерок и пошел огненный вал высотой метра два. Мы бежали за ним, пытаюсь сбить огонь, вроде удавалось, но как только ветерок начинался, вал снова катился дальше. Майор сжег свою шинель до пояса. Пока бегали, согрелись, пообедали холодной кашей и холодным чаем, снова долбили землю. В темноте с трудом забрались в кузов, легли на пол, прижавшись друг к другу. В части нас доставали из грузовиков, как деревянных чурбанов, затащили в казарму. Там мы сидели с полчаса, не раздеваясь, едва приходя в себя. Старшина отпаивал нас горячим чаем.

Запомнился смотр художественной самодеятельности. Во взводе был рядовой Жуков из Перми, до армии работал баянистом в Доме культуры. После ужина собирались в физкультурном отсеке и разучивали песню. Такую медленную, тягучую, что-то там: *«Уральские горы - кручи и камни и далее»*. Помнится, что мы выли ее жалобно и трагически. А на гарнизонном смотре в Доме офицеров рота представляла монтаж, я высвечивал из прибора (назывался он «пистолет») лица солистов. В части в марте проходил и смотр Ленинских комнат. Ребята решили кардинально изменить ее. Вынесли все бархаты, бюсты, вычурные витрины. Все это, заменялось на тонкие планшеты и прозрачные витрины. Пытались новизну хранить в тайне, закрывали холстом, но практически все роты делали то же самое. Все же наша комната заняла третье место.

Я уже говорил, что в части спорт культивировался серьезно. Была хоккейная коробка и команда. Играл в ней и наш студент Бобров, до института он выступал за второй состав «Олимпии» из Кирово-Чепецка, в которой играли Александр Мальцев и вратарь Володя Мышкин, да еще добрый десяток игроков сборной. У Боброва был коронный прием, он подъезжая к сопернику, поворачивался спиной и задницей припечатывал его к борту. Все смеялись.

Весной тренировалась и футбольная команда, вратарь - из дубля московского Динамо. Он мог взять «мертвые» мячи, а в следующей игре пропустить пяток простых мячей. У баскетболистов был игрок молодежной сборной студенческой страны. В общем, на стадионе было что посмотреть. В часть часто приезжали команды из округа.

Ну, думаю, пора заканчивать воспоминания. Только еще об одном. Часть навещали и крупные военачальники. В мае побывал маршал Чуйков. На КПП ему бодро отрапортовали: *«Дежурный по КПП такой-то!»*. Чуйков помолчал, потом спросил: *«лейтенант, а ты знаешь, что такое ЧВИ?»*. *«Никак нет»*, - последовал ответ. Тогда Чуйков сказал: *«ЧВИ - это Чуйков Василий Иванович, а что такое КПП?»*. Тогда лейтенант повторил свой доклад по всей форме и довольный Чуйков пошел дальше.

Визит маршала Крылова.

В июле прибыл к нам новый командующий ракетными войсками маршал Крылов. Прежний командующий маршал Бирюзов погиб в авиакатастрофе в Югославии. Я как раз стоял в конце ноября 1963 в карауле, охраняя какой-то деревянный склад. На столбе недалеко бубнил репродуктор, но весть о гибели Бирюзова произнесена была четко. Запомнил это еще и потому, что под крышей прочитал надпись *«Я из Лопотова - 1935 год»*. Оказывается спустя 28 лет я стоял на месте своего земляка. Село Лопотово в 15 км от моего.

Командиры боялись Крылова страшно. По всей части солдаты переделывали метровые ниши перед входом в казарму, потому что в одной из частей Крылов сделал по этому поводу командиру

замечание. В день прибытия три дивизиона вывели в сопки и часть опустела. Наша рота была на стадионе, а я остался в казарме, и когда вышел на улицу, свита военачальников оказалась у казармы. Наша была самая первая по ее маршруту. Крылов спросил у кого-то: *«А где личный состав?»* и обернувшись, увидел только спины убежавших.

Я отдал честь маршалу, который зашел в казарму, выслушал доклад дежурного и вышел назад. Я не стал его дожидаться и сбежал на стадион. По всей части от Крылова убежали солдаты. Потом он с большой обидой высказывал Афанасьеву: *«Что, я черт, что ли, чего меня все так боятся?»*. Второй раз с маршалом я встретился уже в Козельске, после крупномасштабных учений во время их разбора на встрече с активом части.

Октябрь 1964г. Экзамены.

Физподготовку почти все ребята сдают на отлично, но теперь и я не отставал. Подтягиваний -16, подъем переворотом -7, выход силой на прямых руках, махи на брусьях, прямой угол. Оставался прыжок через коня. До выезда на картошку я все - таки пару раз удачно прыгнул, а накануне экзамена, с ребятами, которые тоже были не в ладах с этой «скотиной» мы заставили себя прыгать, и у нас получилось. На экзамене я просто ласточкой перелетел через коня, с запасом, но за прыжок получил 4, поскольку не прогнулся при приземлении в спине. Но по итогам всех дисциплин: перекладина, брусья, бег, полоса - получил пятерку.

10 октября сдавали последний экзамен по ремонтным работам. Не помню всех вопросов, но два помню - рассчитать спираль для паяльника и показать способы восстановления резьбы в глухом отверстии, показать надо было практически. Получил пять.

Вернулся в роту и наступило какое-то опустошение. Никто нас никуда не гнал, наутро был неспешный подъем и какая-то вялая поверка, сержанты жмут плечами, а мы что теперь? вы и сами, как мы. Офицеров тоже почти не было видно. Подошел через день старшина и протянул мне конверт. За 10 месяцев мать прислала мне три денежных

перевода. После второго старшина мне сказал - бери половину, остальное тебе пока незачем. Теперь он отдал все. Интересный был человек этот старшина. С золотой «фиксой», приклатненными манерами, родом из Норильска. В моем становлении, пусть через наряды, он сделал много. Не забыл я и то, как два первых дня учил он меня наматывать портянки. Этот человек мне запомнился.

Начались отправки. Всех интересовало, сколько человек получал командировочных, если 2 рубля 50 копеек, то человек оставался в Забайкалье. Нам, рожденным среди лесов, у больших рек хотелось обратно в свои края, ходила шутка: *«для нас земли за Уралом, нет»*. А пока у нас с другом - Васей Шамшуриным из Кизила был постоянный наряд: недалеко на путях стоял энергопоезд, и мы с ним, плюс еще с 10 ребят, готовили его к передислокации. Слово «Мышанка» уже всюду было на слуху.

Наверное, 28 октября, прибежал Ваня – ротный писарь и сказал, что меня срочно вызывает командир роты. Я доложил о прибытии, с ним были все командиры взводов. Ротный сказал: *«в Московский военный округ направляются 12 человек - только отличники от каждой роты, а в нашей у тебя, Мельчаков, самое большое количество баллов. Молодец. Не позорь нас там»*. Потом тихо добавил: *«вот провожу вас всех- и в отставку»*. Вызвал старшину и отдал приказ на сборы.

Служил я потом в Козельской ракетной дивизии, что любопытно - со мной ехал Ваня - писарь, который вообще не сдавал ни одного экзамена. Наверное, командир его сильно жалел, как сына. Но еще интереснее: следующая группа отучившихся курсантов отправилась служить в Юрьянскую ракетную дивизию, а это всего в 60 км от Кирова и в 150 километров от дома. Но случилось, как случилось. На следующий день мы уже ехали на Запад.